

Из огня да в полымя

Ветер Перемен

- Восточное лицо создано из хрусталя, и те, кто достигнет пятой ступени истинного познания, сможет заметить, что оно прозрачное, и увидеть все то, что находится внутри горы, - уверенно рассказывал худощавый бородатый Православ.

Еще пять лет назад назад его звали Руслан Карпович. Он работал в Минске мастером по ремонту телефонов и компьютеров и увлекался эзотерикой, но, побывав один раз на Тибете, понял, что постиг суть вещей и готов нести знания миру. В эти дни он нес их группе из четырех послушников, которые хотели с его помощью хоть немного приобщиться к тайнам мироздания.

- А вы уже видите? - уточнила Светлана, круглолицая миловидная женщина лет пятидесяти. В её глазах сияло пугающее рвение познать истину уже сейчас.

- Вообще еще нет, но иногда мне кажется, что она уже начала просвечивать, - ответил гуру. Он был не из тех, кто разводит доверчивых людей на деньги, пропагандируя им мракобесие, он проповедовал искренне.

В группе также была уже порядком запыхавшаяся Лиана, высокая и фигуристая девушка лет двадцати пяти, которая не так давно пришла к идее, что одних аффирмаций для счастья в жизни недостаточно, и уговорила одного из своих поклонников ехать на Кайлас вместе. Сергей, её спутник, был высок, широкоплеч, не отличался выдающимся умом, но зато его сил хватало тащить вещи за двоих. Из-за недельной небритости он был похож на сурового героя книг Джека Лондона, чем безусловно гордился. Также в группе был Василий Макарыч. Таких называют "мировой мужик": он умел разводить костер, знал много баек, очень уважал гуру и терпеливо сносил все тяготы пути, хотя был самым старшим по возрасту. С тех пор как Макарыч бросил пить после того, как бросил более тяжелые вещества, после того, как решил завязать с музыкальной карьерой, и нашел себя в качестве консультанта в рехабе, он искал новые способы расширить сознание. И книги о Кайласе, а также рассказы Православа, легко нашли отклик в его душе.

- Ой, кто это там? - громко воскликнула уже порядком запыхавшаяся Лиана. - Он мертвый!!!!

Макарыч первым поспешил к ней и увидел лежавшего у воды полуголого человека. Осторожно подошел и потрогал его за плечо. Кожа была ледяной.

- Смотрите, а он дышит, - рассеянно сказал мужчина. - Эй, мальчик, ты тут? - он потряс бедолагу за плечо.

- У него кровь! - еще громче заверещала Лиана.

- Стойте, не трогайте, - строго объявила Светлана и присела на корточки возле найденного человека. - У него может быть что-то сломано. Смотрите, совсем мальчик. И, что это, наручники?

- Кайлас часто преподносит уроки, я думаю, это один из них, - немного рассеяно произнес Православ. - Мы должны ему помочь, он будто с неба сюда свалился.

- Он холодный, он умрет, - обреченно заметила Лиана. - Достань какую-то одежду, - велела она Сергею.

- В синяках весь, не сейчас получил наверное. Кто ж его так, - вздохнула Светлана. - Учитель, давайте отнесем его к палаткам?

- Далеко, - ответил Православ. - Давайте сделаем здесь навес, переоденем его, и палатки перенесем ближе. Вон куда-то туда. Река близко, место хорошее.

Макарыч тем временем уже достал связку ключей, отцепил одно из проволочных колец и начал умело шаманить с замком от наручников, которые вскоре оказались расстегнутыми.

- Серега, что ты там копаешься? Светк, расстели пенки вон там, - принялся он командовать. - Учитель, поможете донести?

Вскоре найденный парень уже был уложен на пенки и укутан в спальник. Светлана, работавшая косметологом, но когда-то учившаяся на медсестру, запретила его сильно шевелить, чтобы переодеть в сухую одежду.

- Что с ним дальше делать? - рассеянно спросила Лиана, глядя на Гуру.

- Молиться, конечно, - уверенно ответил Православ.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Холод разбудил боль. Шум, голоса, говорившие на совершенно непонятном языке. Кто-то коснулся его бока, Сонгцэн резко дернулся, но снова отключился. Холод отступал, снова голоса, и снова боль. Бесконечная, изматывающая, закрывающая весь мир. Сонгцэн не чувствовал в теле ничего, кроме этой боли. Он не понимал, как шевелиться, лишь чудом дышал. Солнце резало глаза сквозь закрытые веки, голова раскалывалась на тысячу кусков. В какой-то момент дыхание сбилось, и Сонгцэн не смог сдержать приступ кашля, в ответ на который боль в ребрах обожгла все тело, но затем разгорелась еще сильнее, охватив спину.

- On shto? Prishel v sebya?

Женский голос, незнакомый язык.

- Эй, вы тут, понимаете меня? - другой женский голос спросил на английском. - Вы слышите?

- Понимаю, - попытался ответить Сонгцэн, но понял, что не мог это произнести внятно, лицо было будто сковано, и мышцы не слушались.

- Ty kto, kitaets, mestniy?

Мужской голос, незнакомый язык.

- Как тебя зовут? - тот же голос на английском.

И Сонгцэн понял, что не может вспомнить это слово, даже если бы мог произнести. Он отрицательно покачал головой, затем приоткрыл глаза, но снова зажмурился, не успев рассмотреть людей.

- Боль, - невнятно прошептал он.

- Больно? - переспросил женский голос. - Sveta, chto delat? Y manya est tabletki ot golovy, podoydut?

- Net, on podavitsa, ne znayu, - второй женский голос. - Закрывать глаза, полежи, - на английском она говорила довольно плохо, но понять было можно.

Сонгцэн снова отключился, и проснулся, когда было темно. Один из мужчин принес ему металлическую кружку с каким-то горячим напитком, резко пахнущим травами. Сонгцэн сделал пару глотков, затем закашлялся и немного облился.

- Не спеши, не вспомнил, как тебя зовут? - это был довольно пожилой мужчина.

- Нет, - невнятно ответил Сонгцэн.

- Ты возле Кайласа, ты помнишь, что это такое? - это спросил другой мужчина, более молодой, бородатый.

- Ка-лас, - попробовал повторить Сонгцэн. - Кэй-лас, Кэй-лаш, - попытался выговорить он правильно. - Да, - он кивнул. - Имя. Второе. Папа.

- On breedit ili ne ponimaet, - женский голос, тот, что старше.

- Папу зовут Кайлас? - переспросил второй женский голос.

Сонгцэн кивнул.

- И м-ня. Второе имя. Первое..., - он вздохнул, закашлялся и застонал от боли. - Первое не помню.

- Тише, тише. Ложись, отдыхай, - заговорил самый старший мужчина. - Tut est skoriye?

- Otkuda? Na yakakh doedut? - третий мужской голос.

- Eto nash urok ot gory, ego imya - eto znak. Gora byla chut prozrachnaya, ya videl. My smozhem emu pomoch. Molites, - голос бородатого, который растворился в тот момент, когда Сонгцэн отключился снова, несмотря на боль.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну снилось, как огромный огненный спрут тянул к нему горячие щупальца, которые обвивали его ребра, стараясь задушить, но его тело его не слушалось, и он не мог даже попытаться вырваться. Он дернулся, и боль снова его разбудила. Сонгцэн закашлялся, он чувствовал, что дышать стало намного сложнее. Ему было страшно, он понимал, что боится кого-то, но не мог вспомнить, кого именно.

- Прикинься ветошью, тебя здесь нет, - тихо сказал пожилой мужчина, затем поставил почти на самого Сонгцэна три рюкзака, и бросил сверху спальные мешки.

- Нет, мы тут со вчерашнего дня, никого не было, - это старшая из двух женщин отвечала кому-то, чей голос вызывал животный страх, стоило Сонгцэну его услышать. - Не знаю, мистер.

- Svet, chto oni hotat? - второй женский голос.

- Parnya kako-to ishut, govoru ne bylo tut nikogo, - ответила первая на том же непонятном Сонгцэну языке.

- Otkuda emu tut vzyatsa? Etu tropu tolko posvyashennyye znaut, - голос бородатого, который вроде был у них главным гуру.

Снова тот страшный голос с японским акцентом, затем шум шагов. Сонгцэн замер, стараясь не дышать, чтобы не закашлять. Вечность спустя он почувствовал, как с него убрали спальные, и вздрогнул от страха.

- Тихо, тихо, они ушли, - ответил пожилой мужчина. - Чем ты им так насолил, парень?

- Не знаю, не помню, - невнятно пробормотал Сонгцэн, он сказал правду.

- My popali v banditskie razborki mezhdru kitaitsem i yakudza? - спросила молодая женщина.

- Svoikh ne sdadim, - ответил третий мужчина, который говорил реже остальных. - Svet, on silno ranen?

Старшая женщина подошла, отодвинула рюкзаки и коснулась холодной рукой лба Сонгцэна.

- U nego zhar, - сказала она. - Где больно? Возьми меня за руку.

- Ве-зде, - с трудом произнес Сонгцэн. Он попытался протянуть женщине руку, но понимал, что кисть не слушалась вообще, и лишь какое-то подобие импульса к движению оставалось в плече. - Не могу. Не могу дви-гаться.

Он закрыл глаза и перевел дыхание. Боль заканчивалась где-то в спине. Он понял, что дальше больно не было, он не чувствовал ног, почти все тело было чужим.

- Шею что ли свернул, - охнула женщина. - On sam na nogi ne vstanet, on lezhachi. I kashlayet plokho.

- Serezh, davai ty poidesh v apteku? V derevne zhe byla. Emu nado kakie-to lekarstva, ne znau, pelenki, pampersy kupit. My ne oztavim zhe ego tut?

Остальные что-то еще долго обсуждали на своем языке, Сонгцэн не понимал ни слова. Язык был странным, каким-то шипяще-свистящим.

- Кайлас не дает испытаний, которые не преодолеть. И ты найдешь выход, - сказал на английском гуру, присев рядом с Сонгцэном.

Пожилой мужчина развел неподалеку костер. Тепло от него доходило до Сонгцэна, но не обжигало. В этом тепле было что-то очень знакомое, очень родное, что хотелось вдохнуть, почувствовав в солнечном сплетении, несмотря на болевшие ребра. Смутное чувство, от которого сейчас хотелось расплакаться, как от встречи с найденным после долгой разлуки близким. Сонгцэн почувствовал сильный зуд и жжение на плече. И чем больше он думал о пламени костра, тем сильнее оно становилось.

- Пле-чо, - произнес он. - Что на пле-че, правом?

- Чем тебе помочь? - молодая женщина подошла ближе. - Плечо? Болит?

- Нет, - Сонгцэн попробовал отрицательно покачать головой. - На нем, кожа, что там?

Женщина положила руку на его плечо и чуть повернула его на бок, и Сонгцэн с трудом сдержался, чтобы не отреагировать на новую боль от этого движения.

- Там тату свежая, какие-то иероглифы, - ответила женщина. - Rebyat, kto znaet kitayskiy?

- Sfotkai prosto, - ответил третий мужчина.

- Ша ци, - произнес Сонгцэн, когда увидел фото на экране телефона.

- Не понимаю, что ты говоришь? - переспросила молодая женщина.

- Ша ци, тату, мешает. Нужно сжечь, срезать, - задыхаясь от нового приступа кашля заговорил Сонгцэн. - Помогите.

- On bredit, u nego zhar, - голос старшей женщины. - Попей чай, у тебя жар. Сережа принесет лекарства, сейчас пойдет туда, за ними, потерпи.

- Мешает, нужно убрать, - повторил Сонгцэн. - Офуда, проклятье, - он постарался найти взглядом гуру.

- Ша ци, это из фен-шуй же? - переспросил гуру. - Плохая энергия?

- Нет, - Сонгцэн снова закашлялся, и не смог продолжить фразу. Голова кружилась, и он не понимал, как объяснить этим людям то, что сейчас хорошо понимал.

Он помнил, как пламя срывалось с его рук во время ударов, как он смотрел сквозь огонь в каком-то древнем храме, как пламя было частью его. Он вспоминал это все более ясно. Закрыв глаза, вспоминая, как чувствовал собственное тело как сплетение семи цветов, семи колес энергии, которые управляли пламенем и водой, снимали боль, двигали предметы. Все эти цвета были запечатлены печатью, которая сейчас жгла кожу. Теперь он не представлял, как мог это забыть.

- Сонгцэн, - чуть слышно прошептал он.

- Solntse? - переспросил гуру.

- Со-нгцэн, - он закашлялся. - Имя. Вспомнил.

Голова сильно закружилась, и сознание провалилось в зазвеневший в ушах гул.

Ветер Перемен

- Может быть не нужно было его тормошить, он совсем плохо дышит, - сказала Лиана.

- У него уже пролежни появляются, он не может двигаться вообще, - ответила Светлана. — Нельзя было так оставлять.

Вся компания, дожидаясь Сергея, половину дня возилась с тем, чтобы нагреть воду, вымыть и переодеть Сонгцэна, который почти не приходил в себя. Иногда он что-то говорил про тату, про какие-то силы, про какую-то магию, но даже Православ считал, что мальчик в бреду. Да и как можно было здесь удалить какую-то татуировку, когда Сонгцэн толком не мог дышать и страдал от дикой боли?

- Дыши, мальчик, просто дыши. Как-нибудь все образуется, - сказал Макарыч по-русски и положил на лоб Сонгцэна полотенце, смоченное водой из ледяной реки.

- А если он умрет? — спросила Лиана. — Как их хоронят?

- Ты что, нужно будет полиции сказать, - спохватилась Светлана. — Мы же не можем сами его как-то похоронить, без документов.

- Тибетцы устраивают небесные похороны — оставляют тело грифам высоко в горах, чтобы те, поминая покойного, наелись всем, что от него осталось, - рассказал Православ. — Но я уверен, что Кайлас не даст ему сейчас умереть, вот увидите.

Уже темнело, и он подбросил дров в костер, потому что ночи здесь были очень холодными. Вдали светилось лунным светом Восточное лицо Кайласа, напоминавшего египетскую пирамиду.
